1971 г.

1 0 2

МРТУ 19 № 183—65

0

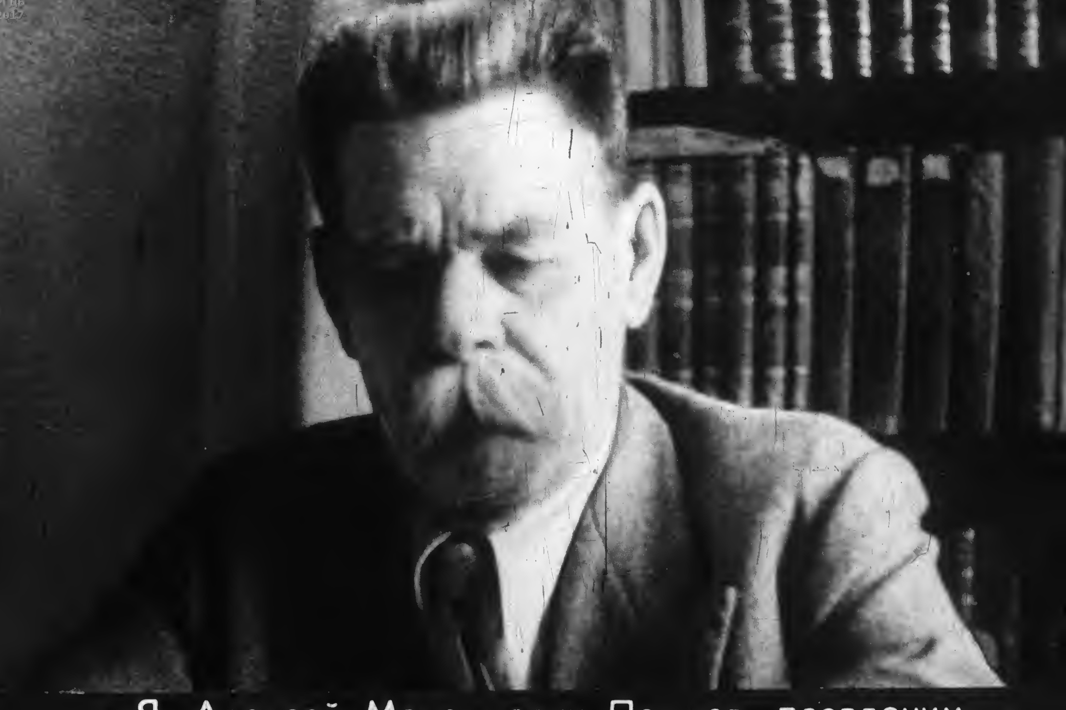
2

ДИАФИЛЬМ

03—2—062

„Я, АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ПЕШКОВ..."

— Я, Алексей Максимович Пешков, псевдоним Максим Горький,

родился 16 марта 1868 года в Нижнем-Новгороде,

в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. С тех пор с честью и незапятнанно ношу звание цехового малярного цеха...

Дед... был очень религиозен, до жестокости деспотичен и болезненно скуп.

Отец умер в Астрахани, когда мне было 5 лет... Мать моя на мою жизнь никакого влияния не имела... сдала меня на руки деда, который и начал мое воспитание с псалтири и часослова... В семье его, очень большой... меня никто не любил, кроме бабушки, изумительно доброй и самоотверженной старухи...
6

...Семи лет... меня отдали в школу, где я учился пять месяцев. Учился плохо, школьные порядки ненавидел, товарищей тоже, ибо всегда я любил уединение. Заразившись в школе оспой, я кончил учение и более уже не возобновлял его.

По смерти матери, дедушка отдал меня в магазин обуви; в ту пору имел я 9 лет от роду... Из „мальчиков" сбежал и поступил в ученики к чертежнику, — сбежал и поступил в иконописную мастерскую, потом на пароход, в поварята, потом в помощники садовника. В сих занятиях прожил до 15 лет...

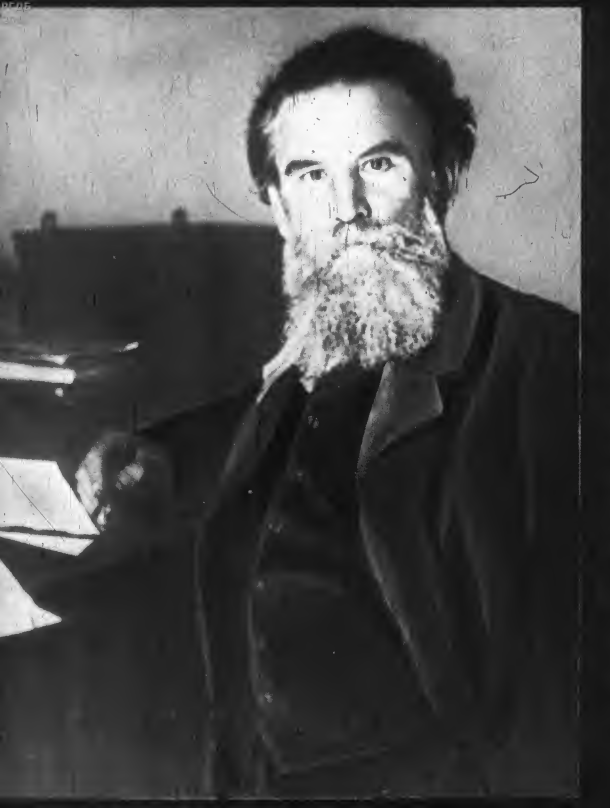
После 15 лет возымел я свирепое желание учиться, с какою целью поехал в Казань, предполагая, что науки желающим даром преподаются. Оказалось, что оное не принято... В Казани близко сошелся... с «бывшими людьми»... Работал на Устье, пилил дрова, таскал грузы...

В 1888 году, живя в Казани, впервые познакомился со студентами, участвовал в кружках самообразования... ...Я знал, вероятно, все кружки... четыре кружка — ортодоксально народнические... Затем — кружок Сомова, менее ортодоксальный, с упором на естественные науки... Еще — кружок Федосеева.

Лет двадцати я начал понимать, что видел, пережил, слышал много такого, о чем следует и даже необходимо рассказать людям. Мне казалось, что я знаю и чувствую кое-что не так, как другие; это смущало и настраивало меня беспокойно, говорливо... В эти годы я уже считался интересным рассказчиком, меня внимательно слушали грузчики, булочники, «босяки», плотники, железнодорожные рабочие, «странники по святым местам» и вообще люди, среди которых я жил.

...Я знал... что в Нижнем живет В. Г. Короленко... В котомке у меня лежала тетрадь стихов и превосходная поэма в прозе и стихах «Песнь старого дуба». ...Короленко первый сказал мне веские человечьи слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело...

...В 1890 году я почувствовал себя не на своем месте среди интеллигенции и ушел путешествовать. Шел из Нижнего до Царицына, Донской областью, Украйной, зашел в Бессарабию, оттуда вдоль южного берега Крыма на Кубань, в Черноморье.

В октябре 1892 года жил в Тифлисе, где в газете «Кавказ» напечатал свой первый очерк «Макар Чудра». Меня много хвалили за него, и, переехав в Нижний, я попробовал писать маленькие рассказы... Их охотно принимали и печатали.

У меня... есть своя правда, совершенно отличная от той, которая принята в жизни, и мне много придется страдать за мою правду, потому что ее не скоро поймут и долго будут издеваться надо мной за нее.

№ 1096.

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

3 ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО

О мѣщанинѣ Алексѣѣ Пѣшковѣ.

Начато 1 … 188… года

Кончено 12 … 1… года

На 74 листахъ

„Тифлисское губернское жандармское управление предлагает Нижегородскому губернскому жандармскому управлению произвести обыск у Горького, арестовать его и препроводить в Тифлис“.

(„Летопись жизни и творчества А. М. Горького“).

—В Тифлис я приехал... ночью, часа в 2, сейчас же меня отправили в Мэтех или Метэх,—тюремный замок на берегу Куры, на высокой скале...

...Камера у меня большая, 10 и 7 шагов, в ней два окна на Куру и прекрасный вид на азиатскую часть города, разбросанную на крутой горе... Житьишко мое не так уж плохо... разрешили иметь книги, бумагу, чернила, так что с завтрашнего дня я сажусь за работу.

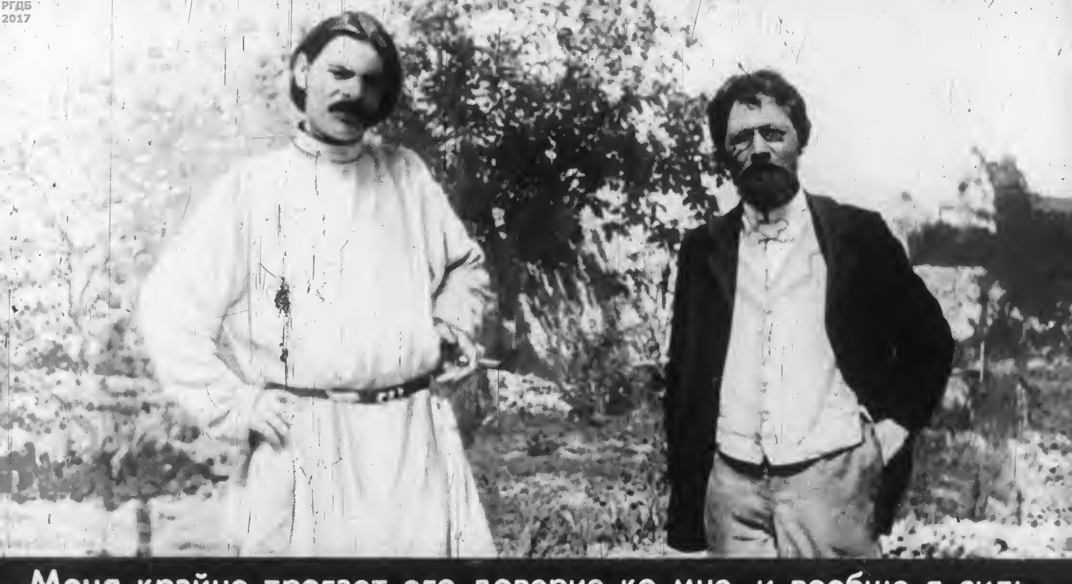

Я уже в Нижнем. Пока определенного места жительства не имею и проживаю в редакции «Нижегородского листка»...

Эта повесть — доставляет мне немало хороших минут и очень много страха и сомнений, — она должна быть широкой, содержательной картиной современности, и в то же время на фоне ее должен бешено биться энергичный, здоровый человек, ищущий дела по силам, ищущий простора своей энергии.

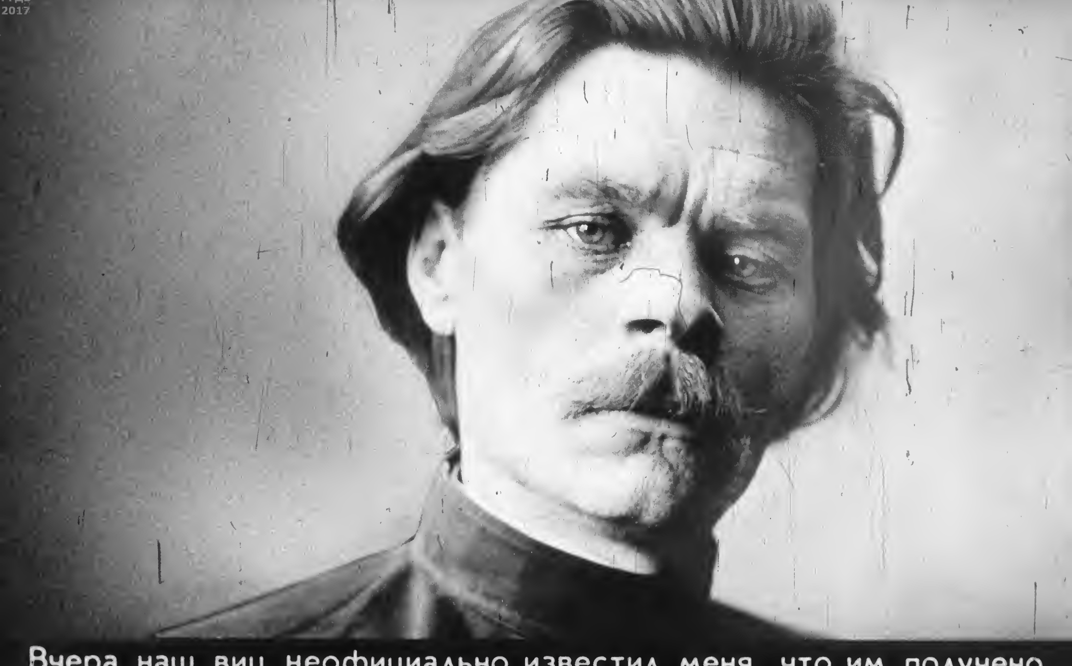

Меня крайне трогает его доверие ко мне, и вообще я сильно рад, очень доволен тем, что он, которого я считаю талантом огромным и оригинальным...—он видит во мне нечто, с чем считается... Это крайне хорошо, ибо способно заставить меня относиться к самому себе строже, требовательнее.

21

...Я напишу цикл драм. Это—факт. Одну—быт интеллигенции... Еще одну: босяки. Татарин, еврей, актер, хозяйка ночлежного дома, воры, сыщик, проститутки. Это будет страшно. У меня уже готовы планы, я вижу—лица, фигуры, слышу голоса...

Вчера наш виц неофициально известил меня, что им получено предписание департамента полиции, коим мне запрещается жить в Нижнем и рекомендуется выслать меня в один из уездов губернии Нижегородской.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

№ 13 №13

„В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города“.

В. И. Ленин.

—Приехал в Арзамас под надзор полиции. ...Мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и другим служащим людям посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры.

Сцена из спектакля МХТ «На дне»

Успех пьесы — исключительный, я ничего подобного не ожидал... Вл[адимир] Иван[ович] Немирович[-Данченко] — так хорошо растолковал пьесу, так разработал ее — что не пропадает ни одного слова. Игра — поразительна! Москвин, Лужский, Качалов, Станиславский, Книппер, Грибунин — совершили что-то удивительное.

Вот задумал я дело, и большое дело. Надо собрать писателей. У нас отличные писатели есть, а все врозь.

Эта идиотская, несчастная, постыдная война — какой-то дикий кошмар... А сцены на вокзалах при отправлении запасных — это что-то прямо невероятное!.. Сколько возмущения — искреннего, тяжелого и — бессильного.

9 января 1905 года я с утра был на улицах, видел, как рубили и расстреливали людей, видел жалкую фигуру раздавленного «вождя» и «героя дня» Гапона... Все было жутко, все подавляло в этот проклятый, но поучительный день.

„Департамент полиции отдает распоряжение об аресте Горького и о доставлении его в Петропавловскую крепость".

(„Летопись жизни и творчества А. М. Горького").

—...Об уклонении от суда не может быть речи, напротив—необходимо, чтоб меня судили...
...Это даст мне превосходное основание объяснить Европе, почему именно я «революционер» и каковы мотивы моего «преступления против существующего порядка» избиения мирных и безоружных жителей России, включая и детей.
А будучи оправдан, я публично спрошу почтенное семейство (царское.— *Ред.*), за что именно меня держали месяц в крепости?

Учимся палить.

...Видимо, разгорится всеобщая забастовка... Всюду на улицах митинги... Войска очень возбуждены... Возможна бойня, вроде питерской в январе.

У Сандунов[ских] бань, у Никол[аевского] вокзала, на Смоленском рынке, в Кудрине—идет бой. Хороший бой!.. Рабочие ведут себя изумительно!.. Баррикады за ночь были устроены на Бронных, на Неглинном, Садовой...—20 баррикад!.. ...Вообще—идет бой по всей Москве!

Начальство обнаруживает явное желание изловить меня... Желания сидеть в тюрьме у меня нет, а потому я отправляюсь за рубеж...
Еду — надолго... ибо еду с определенной целью, коя воспретит мне въезд в Россию вплоть до лучших времен... Хочу устроить так, чтобы иностранцы давали деньги мне, а не правительству нашему, обалдевшему от страха.

Нью-Йорк

...Я собрал долларов очень мало, меньше 10 тысяч. Вообще поездка не удалась...

...но я там на-
писал «Мать»...

Затем я переехал в Италию, на Капри... Если зуб, выбитый из челюсти, способен чувствовать, он, вероятно, чувствовал себя так же одиноко, как я.

...На Капри... погрузился в чтение русских газет, книг,—это тоже очень понижало настроение... Было много весьма смешного, глупого, и часто казалось, что из России несется какая-то гнилая пыль.

И—вдруг, точно в сказке, я на съезде Российской социал-демократической партии... Я и сейчас вот все еще хорошо вижу голые стены смешной своим убожеством деревянной церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого, узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы.

...Он, крепко стиснув мою руку, прощупывая меня зоркими глазами, заговорил тоном старого знакомого, шутливо:

—Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка.

Прощаясь в Лондоне, он сказал мне, что обязательно приедет на Капри отдыхать... Он азартно играл... в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски. Замечательно: даже и это детское уныние, так же как его удивительный смех,—не нарушали целостной слитности его характера.

...Каторжная моя жизнь—работы несть конца! Школа, где я читаю две лекции в неделю по литературе,—а к ним надобно готовиться; осень—идут рукописи, написанные за лето,—идут десятками! Авторы же народище нетерпеливый, ответов требуют немедленных.

„Дорогой А. М.! Прочитал я сегодня „Манифест“ (1913 г. — Ред.)...
Литераторская амнистия, кажись, полная. Надо Вам попробовать вернуться...
Надеюсь, Вы не смотрите так, что нельзя „принимать“ амнистии? Это был бы неправильный взгляд: революционер по нынешним временам больше сделает извнутри России...
А революционному писателю возможность пошляться по России (по новой России) означает возможность во сто раз больше ударить потом Романовых и К°...

Ваш Ленин“.

„...Мы приветствуем дорогого писателя с возвращением на родину. Пусть соприкосновение с родной землей возродит его физические силы и вдохнет в него новую творческую мощь“.

(Газета «Пролетарская правда»).

—Вот я живу в России, а чувствую себя на чужой стороне,— как это ни странно! ...До чего здесь все изменилось...

...Резко и очень к лучшему изменился тип рабочего,— с каким напряжением учатся люди, как стойко выносят «неудобства русской жизни»... Вообще—в этой области—все радует и удивляет.

I

СБОРНИКЪ ПРОЛЕТАРСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

съ предисловіемъ МАКСИМА ГОРЬКАГО

Изд. „ПРИБОЙ" СПБ. 1914

„Сегодня... мы поздравим товарищей — читателей с книгой, о которой они любовно могут сказать: „Это — плоть от плоти нашей и кость от костей наших".

(Газета «Трудовая правда».)

—Я—давно—года три—как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но—вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным... Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее...

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1915 г

ДЕКАБРЬ

...Цель журнала—может быть, несколько утопическая—...попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности.

...Народ ведет войну, самую страшную из всех когда-либо бывших. Народ работает, а есть нечего, в Петербурге не хватает хлеба, нет дров, сахара и т. д.

Очень тяжко на душе—такое проклятое одиночество—беда! Удивляюсь, до чего я вынослив, право... А все-таки будем делать наше дело, будем делать до конца дней...

...Общее впечатление — и не мое только — таково, что люди потихоньку разбираются в хаосе эмоций, возбужденных войною, начиная кое-что критиковать, желая в чем-то разобраться. ...Веет... новый дух, становится свежее, умнее.

Поздравим друг друга... поздравим от всего сердца: русский народ вступил в брачный союз со свободой...

Экстренное приложение
къ № 4.
3 марта 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА.

Депутатъ Карауловъ явился въ Думу и сообщилъ, что государь Николай II отрекся отъ Престола въ пользу Михаила Александровича. Михаилъ Александровичъ въ свою очередь отрекся отъ Престола въ пользу народа.

Въ Думѣ происходятъ грандіознѣйшіе митинги и оваціи. Восторгъ не поддается описанію.

Тип. «Совѣта Рабоч. и Солдатск. Депутатовъ», Сайкинъ, 6.

КОНЕЦ
1-й части

Студия „Диафильм“, 1970 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-063-70 Т02126

Черно-белый 0-20